

Александр Сергеевич Пушкин приехал в Болдино 3 сентября 1830 года. А уже 7-го им было написано стихотворение «Бесь», «одно из самых тревожных и напряжённых», по слову Ю. М. Лотмана («Александр Сергеевич Пушкин». Ленинград, 1983).

Что вызвало в поэте такую фантазмагорию? Она воспринимается не как мираж наваждения, но как реальные картины.

Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.
Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...

Поэт не только ВИДИТ, но и СЛЫШИТ звуки бесовского шабаша:

Вьюга злится, вьюга ПЛАЧЕТ;
Кони чуткие храпят...
... Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
ВИЗГОМ жалобным и ВОЕМ
Надрывая сердце мне...

Сам ритм стихотворения – яростный хорей, словно лихорадочное сердцебиение человека, попавшего в безвыходный круговорот мчащихся, вьющихся туч. Звук колокольчика на сбруе лошадей – «дин-дин-дин» – жалобный вопль одиночества среди хаоса одержимой природы.

Черновик оригинала закончен беглым графическим росчерком Пушкина, выдающим смятенное настроение поэта.

Но с чего бы это? Время написания стихотворения – начало сентября, осень – любимое время года Александра Сергеевича. Однако, направляясь в Болдино, он раздражён, что поездка грозит обернуться неустанными поисками денег: «...я должен хлопотать о приданом, да о свадьбе, которую сыграем Бог весть когда».

Пушкин помолвлен с бесприданницей Натальей Николаевной Гончаровой и был готов венчаться без приданого, но мать невесты воспротивилась, и поэту «пришлось самому доставать деньги на приданое, которое он якобы получил за невестой» (Ю. М. Лотман).

Кроме того, Пушкину предстояли юридические хлопоты по введению во владение деревенькой Кистенёвка с двумястами душами крестьян, которую отец поэта выделил сыну.

По этим поводам Пушкин жалуется в письме: «Еду в деревню, Бог весть, буду ли там иметь время заниматься, и душевное спокойствие, без которого ничего не произведёшь».

Но если бы только это... В 1830 году друг Александра Сергеевича А. А. Дельвиг начал издавать «Литературную газету», ближайшими участниками которой были Пушкин, Вяземский, Орест Сомов. Цель создания газеты – защита статуса профессионального литератора в России, обуздание тоталитарной цензуры, нравственная атмосфера в среде писателей и критиков. Естественно, что вокруг газеты немедленно сложилась оппозиция в лице Булгарина (связанного с III отделением, возглавляемым Бенкендорфом), а также с журнальными статьями Н. А. Полевого (журнал «Московский телеграф») и Н. И. Надеждиным, выступавшими, пусть и на разных с Полевым основаниях, против так называемой «дворянской» литературы, или, как писал Надеждин, «площадным подвижничеством русского барича».

Хрестоматийно известны факты сложных отношений Пушкина с императором Николаем I, включая и тот, что поэт опосредованно, через Бенкендорфа, вынужден был просить соизволения высшей власти на брак с Н. Н. Гончаровой, ибо «родители невесты высказывали опасения относительно политической репутации жениха». В ответном письме шеф жандармов уведомлял Пушкина, что государь принял «с благосклонным удовлетворением» сообщение о предстоящей женитьбе поэта» (Ю. М. Лотман).

Перечисление фактов об унижительном положении А. С. Пушкина в эпоху деспотизма Николая I – не для формата, в данном случае, журнального очерка. Целесообразнее привести аналитические выводы Анны Фёдоровны Тютчевой, которая в те годы была фрейлиной Высочайшего двора и в своих воспоминаниях и дневниках под общим названием «При дворе двух императоров» (М., 1990) дала глубокую и беспристрастную оценку той эпохи и личности самодержавного властителя.

«Никогда этот человек не испытал тени сомнения в своей власти... Он верил в неё со слепою верою фанатика, в ту безусловную пассивную покорность, которую требовал он от своего народа... Как у всякого фанатика, умственный кругозор его был поразительно ограничен его нравственными убеждениями... Повсюду вокруг него в Европе под веянием новых идей зарождался новый мир, но этот мир индивидуальной свободы... представлялся ему во всех своих проявлениях лишь преступной и чудовищной ересью, которую он был призван побороть, подавить, искоренить во что бы то ни стало, и он преследовал её не только без угрызания совести, но со спокойным... сознанием исполнения долга.

Угнетение, которое он оказывал... был самый худший вид угнетения – систематическое, обдуманное, самодовлеющее, убеждённое в том, что оно может и должно распространяться не только на внешние формы управления страной, но и на частную жизнь народа, на его мысль, его совесть, и что оно имеет право из великой нации сделать автомат, механизм которого находился бы в руках владыки. Отсюда в исходе его царствования всеобщее оцепенение умов, глубокая деморализация всех разрядов чиновничества, безвыходная инертность народа...»

В письме Александра Сергеевича жене от 18 мая 1836 года есть строчка: «...чёрт догадал меня родиться в России с душою и талантом!»

В 1830 году ко всем «прелестям» Николаевского режима присоединился и «холерный бес».

Тогда холеру называли «индийская зараза». Из Индии холера перекинулась на Ближний Восток, на Кавказ, в низовья Волги и далее... На второй станции по дороге из Москвы в Болдино Пушкин уже знал, что эпидемия свирепствует и в Нижнем Новгороде. Позднее писал: «Воротиться казалось мне малодушием; я поехал далее, как, может быть, случилось вам ехать на поединок: с досадой и большой неохотой». На дороге всюду были расставлены карантинные посты. Населению предписывалось: не выходить на улицу босиком, иметь наготове редьку и вино, определять болезнь по «беспрерывному урчанию в животе».

«Народ ропщет, – писал Пушкин одному из своих друзей, – не понимая строгой необходимости карантина и предпочитая зло непонятной заразы непривычному своему стеснению быта. Мятажи вспыхивают то тут, то там...»

Оформив свои юридические права на владение Кистенёвкой, поэт рвётся в Москву. Пытается прорваться через кордоны. О первой попытке писал: когда уже отъехали двадцать вёрст, путь пре-

градил заставу. «Несколько мужиков с дубинами охраняли переправу через какую-то речку. Я стал расспрашивать их. Ни они, ни я хорошенько не понимали, зачем они стояли тут с дубинами и с повелением никого не пускать. Я доказывал им, что вероятно где-нибудь да учреждён карантин, что я не сегодня, так завтра на него наеду и в доказательство предложил им серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многие лета». Однако прорваться через кордоны Пушкину не удалось. Пришлось вернуться в Болдино. Он готов ехать в Москву (уже закрытую на въезд и выезд) любым путём – «хоть через Вятку, Архангельск и Петербург». Пишет П. А. Плетнёву 9 сентября в Петербург: «Около меня холера морбус. Знаешь ли, что это за зверь? Того и гляди, что забежит он и в Болдино, да всех нас перекушает...»

Опасность была реальной. Поэт дерзко принимал её вызов. Энергия неукротимого жизнелюбия искала выход. И – находила. В том же письме к П. А. Плетнёву Александр Сергеевич писал: «Ах, мой милый! Что за прелесть здешняя деревня! вообрази: степь да степь; соседей ни души; ездить верхом сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помешает».

В иные дни, в ином настроении – тому же Плетнёву: «...но до того доходит, что хоть в петлю. Мне и стихи в голову не лезут, хоть осень чудная, и дождь, и снег, и по колено грязь».

Перепады в душевном состоянии поэта объяснимы сложными внешними обстоятельствами, но «внешнее» всегда становилось для Пушкина внутренним.

Обратимся к одному из эпизодов осени 1830 года. Нижегородская губернаторша А. П. Бутурлина спрашивала Пушкина о его пребывании в Болдино: «Что же вы делали в деревне, Александр Сергеевич? Скучали?» – «Некогда было, Анна Петровна, – отвечал Пушкин. – Я даже говорил проповеди». – «Проповеди?» – «Да, в церкви, с амвона. По случаю холеры. Увещевал их: И холера послана вам, братцы, оттого что вы оброка не платите, пьянствуете...»

В шутовском тоне Пушкин пересказывает эпизод с «проповедью» в письме Плетнёву: «...ты бы со смеху умер...» Но – вчитайтесь: «холера ПОСЛАНА ВАМ...» Пушкин знал, что ПОСЛАНА, и в этом, по сути, идейный центр тяжести его «маленькой трагедии» «ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ», четвёртой и последней из цикла «Маленькие трагедии».

Вероятно, не случайно последовательность их создания. Привожу даты по старому летосчислению: 1830 год. 23 октября окончена пьеса «Скупой рыцарь»; 26 октября – «Моцарт и Сальери»; 4 ноября – «Каменный гость»; 6 ноября завершена пьеса «Пир во время чумы».

Чтобы понять совокупность всего цикла, стоит обратиться к Посланию римлянам апостола Павла. В начальной, первой главе, призванный благовестить Христа всякому Иудею и всякому Еллину, апостол утверждает, что, «как написано, «праведный верою жив будет». Но «славу нетленного Бога (они – иудеи и еллины) изменили в образ, подобный тленному человеку...», «заменили истину Божию ложью», и предал их Бог «превратному уму – делать непотребства». И далее апостол Павел перечисляет пороки человечества. Список подробен. Выберем хотя бы первый абзац.

«Так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распри, обмана, злонравия».

В тексте сосредоточена основная тематика «маленьких трагедий» Пушкина. «Скупой рыцарь» – корыстолюбие, злонравие. «Моцарт и Сальери» – зависть, злоба, убийство. «Каменный гость» – блуд, обман, убийство.

«Пир во время чумы», на мой взгляд, суммирует и подытоживает тему планетарного растления человечества. «Мне отмщение, и Азъ воздам». Если перевести эту фразу из текста апостола Павла на русский, то она звучит так: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию». Дословно слова Христа переводятся: «На Мне лежит отмщение, и оно придёт от Меня».

В Болдине А. С. Пушкин читает драму шотландского поэта Джона Вилсона «Город чумы». В основу её положен исторический факт о лондонской чуме 1665 года. Кратко – сюжет. Морской офицер Франкфорт и его невеста Магдалена – чистые и возвышенные «дети природы» – попадают в зачумлённый город и становятся жертвами эпидемии. Оба принимают смерть как избавление от земных страданий.

Английская критика в 1817 году приняла пьесу как неудачное сочинение автора. Особенности нарекания вызвали сцены «пира во время чумы». «Это неудачная попытка изобразить одну из противоестественных оргий – тех неистовых вспышек буйного и вызывающего веселья, которые были естественным следствием отчаяния, охватившего людей в то время».

Известно, что Александр Сергеевич не дочитал немыслимо растянутую, композиционно размытую драму до конца. Но есть в этом произведении монолог некоего «старика»:

Часто мука мне больше смертной,
Пронзают сердце лишь слова Христа.
Святые засияют мне: в них чудо
Спасающей любви и милосердия.

«Маленькая трагедия» А. С. Пушкина «Пир во время чумы» – предвидение и пророчество поэта о великой планетарной Трагедии – о духовной пандемии человечества и о проявлении «ГНЕВА БОЖИЯ» в форме вселенской физической смертоносной эпидемии.

Нельзя не видеть в современной нам ситуации исполнение пророчества Пушкина. Холера 1830 года в России была тогда ещё локальным грозным предупреждением, посланным Свыше.

Поэт метафизической ориентации Роман Славяцкий, живущий ныне в подмосковной Коломне, написал мне по этому поводу: «Пушкин – всечеловек! Фрагмент английской пьесы он сумел сделать частью русской души».

Приведу известные слова Ф. М. Достоевского о том, что же такое «русская душа»: «...русская душа... гений народа русского, может быть, наиболее способна из всех народов вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, извиняющего несходное, снимающего противоречия».

Одна из сверхзадач пьесы «Пир во время чумы», на мой взгляд, реализует эту идею. Главная же – эсхатологическая, предвещающая последние времена Вселенной. В диалоге Вальсингама и Священника – извечный, непримиримый спор Тьмы и Света, Смерти и Жизни.

Ситуация, на фоне которой развёртывается действие трагедии, предельно напряжена реальностью, отражающей исторические факты эпидемий чумы в средневековой Европе, в Москве, и не однажды, но в 1654–1656 годах, в 1770-м, как и современная Пушкину – эпидемия холеры, унёсшая уже тысячи жизней.

В виртуально-реальном городе, на улице – «накрытый стол». За ним пируют «несколько мужчин и женщин». Есть и Председатель, «самый тот, кто три тому недели, на коленях, труп матери, рыдая, обнимал...». Пьют в память Джаксона, «весельчака»: «он выбыл первый из круга нашего». Среди пирующих две уличные женщины – «сёстры печали и позора».

Председатель просит Мери спеть «уныло и протяжно, / Чтоб мы потом к веселью обратились». В пении Мери – воспоминание о днях её невинности, пасторальный пейзаж жизни в её (и тысячах других) селении. Мирное течение дней тогда было обусловлено причастностью к «церкви Божией»: «В воскресение бывала / Церковь Божия полна». В школе раздавались детские голоса, «И сверкали в светлом поле / Серп и быстрая коса». Но вот – по этой идиллии прошёл серп чумы, и возникает картина... современного нам всепланетного апокалипсического пейзажа.

Ныне церковь опустела;
Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрела;
Роща тёмная пуста;
И селенье, как жилище
Погорелое, стоит, –
Тихо всё – одно кладбище
Не пустеет, не молчит...

Песня Мери о том, что уже было однажды. И Председатель подтверждает:

В дни прежние чума такая ж, видно,
Холмы и доли ваши посетила...

В «жалобной песне» падшей женщины слышится мотив покаяния:

Мой голос слаще был в то время: он
Был голосом невинности...

Нет, не всё безнадежно. Мери поёт от имени некоей умершей от чумы «Дженни», которая закликает своего любимого не приближаться к её телу, не касаться «уст умерших». Светлым лучом возникает мотив, что и за гробом Дженни будет молиться о спасении юноши.

И когда зараза минет,
Посети мой бедный прах;
А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах!

Другой персонаж трагедии – Луиза – антипод Мери: груба, ревнива, её речь близка к уличному сленгу. Но вот – в разгар гневливого речитатива Луизы – слышен «стук колёс». Ремарка Пушкина: «Едет телега, наполненная мёртвыми телами. Негр управляет ею». «НЕГР» – грозное напоминание о пандемии, захватившей всю планету. «Мужское сердце» Луизы не выдерживает зрелища. В обмороке видится ей вещий сон. Вещий, ибо раскрывает власть тьмы, а в подтексте сцены читается тема ВОЗМЕЗДИЯ. «Мне отмщение, и азь воздам».

Ужасный демон
Приснился мне: весь чёрный, белоглазый...
Он звал меня в свою тележку. В ней
Лежали мёртвые – и лепетали
Ужасную, неведомую речь...

Председатель сухо констатирует: «И страх живёт в душе, страстями томимой!» И предлагает: «Брось, Мери, ей воды в лицо». Но Мери ведёт себя иначе:

Сестра моей печали и позора,
Приляг на грудь мою.

Среди всеобщей тьмы возникает и утверждается автором образ светлого человека, чьё незлопаметное милосердие искупительно, и грех обретает прощение.

Эпицентр трагедии, её кульминация: «Гимн Чуме» – экспромт Председателя и последующее появление Священника, его Заклинание, обращённое к пирующим.

Строки из «Гимна»:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъярённом океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья...

Как ни парадоксально прозвучат мои слова, но в яростном монологе Председателя можно проследить мотив исповеди самого автора трагедии – А. С. Пушкина. Ю. М. Лотман в уже названной мной книге приводит стихотворение, написанное поэтом «ещё в ранней молодости»:

Мне бой знаком – люблю я звон мечей;
От первых лет поклонник бранной славы,
Люблю войны кровавые забавы,
И смерти мысль мила душе моей...

«Пушкин любил бой, – пишет Лотман и далее «применяет» слова Гоголя: – «Нечто пиршественное виделось ему в сражении». Достаточно вспомнить, как неистово бросился поэт в бучу сражающихся – верхом, в цилиндре, в бурке на плечах – во время похода в Арзрум в 1829 году, где русские войска под командованием графа Паскевича сражались против турок Османской империи, закрывшей пролив Босфор.

«Конница наша была впереди; мы стали спускаться в овраг... По минутно лошадь моя могла упасть... Однако бог вынес... Первые в преследовании были наши татарские полки, коих лошади отличаются быстротою и силою. Лошадь моя, закусив повод, от них не отставала...» – писал Пушкин в очерке «Путешествие в Арзрум». «Есть упоение в бою...»

Собираясь в обратный путь, Пушкин узнал, «что в Арзруме открылась чума. Мне, – писал он, – тотчас представились ужасы карантина... Мысль о присутствии чумы очень неприятна с непривычки... Любопытство, однако ж, превозмогло; на другой день я отправился с лекарем в лагерь, где находились зачумлённые... Из палатки вывели к нам больного; он был чрезвычайно бледен и шатался, как пьяный. Другой больной лежал без памяти...»

События и впечатления 1829 года, будто providенциально, приуготовляли поэта к эпидемии холеры в России в следующем, 1830 году и во многом стали фактографической основой «Пира во время чумы».

Следует остановиться ещё на одном эпизоде Пушкинского «Путешествия...».

Проезжая Армению, утром Пушкин «вышел из палатки». «Солнце всходило. На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. “Что за гора?” – спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: “Это Арарат”. Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к её вершине с надеждой обновления и жизни – И ВРАНА И ГОЛУБИЦУ, излетающих, СИМВОЛЫ ЖИЗНИ И ПРИМИРЕНИЯ ...» (выделено мной. – А. Ч.).

Да, Пушкину ведомо «упоение в бою». Но как сражаться с врагом невидимым, неуловимым, смертоносным? Председатель пирующих противопоставляет неуязвимому невидимке безудержное молодечество, которое, однако, сродни отчаянью: «И, заварив пиры да балы, / Восславим царствие Чумы».

Ремарка Пушкина: «Входит СТАРЫЙ СВЯЩЕННИК».

Вот – пик трагедии. Поединок Света и Тьмы.

Суть «безбожного пира» для Священника однозначна:

Подумать мог бы я, что нынче бесы
Погибший дух безбожника терзают
И в тьму кромешную тащат со смехом.

И сразу же ответ безумцев слышит: «Ступай, старик! Ступай своей дорогой!»

И тогда Священник заклинает их самым святым, что есть у смертного человека:

Я заклинаю вас святою кровью
Спасителя, распятого за нас:
Прервите пир чудовищный, когда
Желаете вы встретить в небесах
Утраченных возлюбленные души.
Ступайте по своим домам!

Но – поздно. Пирующие – жертвы чумы духовной, пленники беснующихся в них сил. Председатель сборища, имевший имя Вальсингам, а ныне – безымянный, говорит о себе, что он – «удержан». Чем же? – «Отчаяньем, воспоминаньем страшным, / Сознаньем беззаконья моего... / И новостью сих бешеных веселий...» Скопище грехов одолевает его и иже с ним, как сонмы бесов... «Бесконечны, безобразны / В мутной месяца игре...» Ни голос усопшей матери, ни жены «Матильды чистый дух» ему уже не слышен. Но только ли его душевный слух замкнут? Он – Председатель воинствующего сборища бесов. «Но проклят будь, кто за тобой пойдёт!» – Последний роковой ответ Священнику.

И всё-таки – это ещё не финал.

Заключительный диалог Вальсингама и Священника – робкая, но светлая надежда, что Господь ещё помилует человечество.

Председатель: Отец мой, ради Бога, / Оставь меня!
Священник: Спаси тебя, Господь!
Прости, мой сын.

Ремарка Пушкина: «Уходит. Пир продолжается. Председатель остаётся, погружённый в глубокую задумчивость».

«Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к её вершине с надеждой обновления и жизни – и врана, и голубицу, излетающих, символы жизни и примирения».